

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 130.2

*О.В. Головань***СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ КУЛЬТУРЫ: ГЕНЕЗИС
ИЗ ОБЩЕКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА
И ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ С СОЦИОКУЛЬТУРНЫМИ ФЕНОМЕНАМИ**

Многозначие понятия политической культуры связано с его вычлениением из общего культурного пространства и различных смыслов, вкладываемых в англоязычной и русскоязычной культуре в понятия «политика» и «культура». Как показано в работе, этот специфический элемент культуры включает в себя политическую мысль, связи культуры и политической философии, оценку политических структур с точки зрения культуры, политического самосознания и политического поведения общества, исторического процесса. Разница отношений значение – смысл для различных культур переносится и на их специфические элементы и глубже – на отдельные социокультурные феномены, например феномен (концепт) «трагическое».

Ключевые слова: политика; культура; политическая культура; социокультурный феномен; восприятие; смысл и значение; языковая картина мира; трагическое.

Культура как один из базовых элементов современной социокультурной реальности, наряду с различными процессами, происходящими в самом социуме, зачастую представляется не только как сложившаяся система продуктов материальной и нематериальной деятельности человека, социальных норм и учреждений, духовных ценностей, отношений людей к природе, окружающей среде, самим себе и друг к другу, но и как динамично развивающееся явление – феномен, способный адекватно реагировать на меняющиеся запросы социума в процессе его исторического генеза [1]. Поэтому в современной культурологии как науке, ставящей основным объектом изучения культуру в различных ее проявлениях и формах, этот феномен неразрывно связан с конкретными историческими условиями, развитием производительных сил и производственных отношений, систем организации взаимодействующих социальных слоев и групп и «привязан», даже географически, к определенному типу общественных отношений, т.е. всегда изучается в неразрывной связи с социальным содержанием его конкретного компонента. Само понятие социума неразрывно связано с содержанием понятия культуры и сложным образом с ним взаимодействует, т.к. единство культуры участников социальной общности и определяется совокупностью условий их жизнедеятельности в рамках существующих между ними субъективных и объективных отношений.

Необходимость социокультурного подхода в современном культурологическом знании диктуется не только многочисленными успешными примерами его использования в смежных областях гуманитарного знания и антропологии, но и в базовой идее, заложенной в нем и позволяющей рассматривать интересующий нас объект не только изолированно (как сам в себе), но и как элемент сложной системы взаимодействующих и взаимопроникающих элементов, одним из которых он является. Объективное постижение сущности и особенностей функционирования культуры и ее компонентов происходит гораздо более глубоко, когда она рассматривается неразрывно от развития других сфер, в которых может проявлять себя человек. Культура, общество и отдельный человек как связующий и преобразующий элемент этого «тан-

дема» гармонично сосуществуют лишь благодаря сложившейся устойчивой организации своих компонентов, взаимодействующих друг с другом на механическом, биологическом и информационном уровнях [2].

Культура выступает здесь не только как феномен, но и как сложная и динамически развивающаяся система, включенная в единый социокультурный контекст конкретного общества и, в свою очередь, состоящая из отдельных элементов – объективных оснований культуры (общих для произвольных составляющих элементов культурной системы, по которым мы и отличаем культуру от других элементов социокультурной реальности), которыми могут выступать эстетические нормы, нравственные ценности, законы и правила, художественные творения, язык и прочее, и специфических элементов культуры (функционалирование которых направлено на отдельные сферы деятельности человека или элементы его сознания) – художественная культура, поэзия, политическая культура и др. В то же время не вызывают сомнения и утверждения о существовании общечеловеческой культуры, культуры исторической и культуры мировой, т.е. неких более масштабных культурных образований, базирующихся на схожих с конкретной социальной культурой основаниях, которые многие исследователи объединяют термином «метакультура» [3]. В определенный исторический период каждая исследуемая частная культура, например микенская, всегда может быть обоснованно вовлечена в сферу более высокой организации: культуру древних греков, культуру Средиземноморья или культуру Античности. Этот факт, наряду с приведенными выше утверждениями, также позволяет применять к исследованию социокультурных феноменов системный подход.

Так же как любая частная культура, возникая и развиваясь (пусть даже и в нашем сознании, восстанавливаясь по крупицам на основе исторических свидетельств, археологических артефактов, произведений искусства и логических заключений, как это происходит с культурами давно ушедших цивилизаций) из социокультурного образования более высокого уровня, несет на себе ее отпечаток (некий культурный код), так и специфические элементы современной культуры тес-

но связаны с конкретными историческими, социальными и более общими (по отношению к ним) культурными условиями и процессами. В свою очередь, претерпевая генезис из общекультурного пространства и неся в себе особенности структуры, взаимосвязи и законов функционирования сложной метакультурной системы человек – общество – культура, эти специфические элементы влияют и на отдельные социокультурные феномены (особенно на те, которые одновременно связаны с субъективной реальностью индивидуума и объективными реалиями социума, общекультурного пространства и исторического процесса), так или иначе включенные в сферу их деятельности.

Целью настоящей работы является исследование исторического, социального и общественного функционирования, появления и трансформации такого специфического элемента современного общекультурного пространства, как политическая культура, и ее взаимоотношений с социокультурным феноменом «трагическое».

Базовой методологической основой нашего исследования, ввиду специфичности заявленных выше целей и задач, а также уникальности самого изучаемого объекта, может выступать системный подход, доказавший свою успешность в тех научных ситуациях, когда предметом исследований оказывались сложные динамичные объекты. В частности, эффективность такого подхода в гуманитарных исследованиях показал М.С. Каган [4], выявив обязательные общие параметры динамически развивающихся сложных систем – структуру, функции и историю.

В античной Греции Гераклит открыл идею культурной изменчивости. Первым греком, построившим историческую доктрину, был Гесиод. Философские учения Сократа, Парменида, Демокрита, Платона, Ксенофонта и Аристотеля можно рассматривать как попытки постижения постоянно изменяющегося мира. Согласно Платону и Аристотелю, политика – это единая наука об обществе и городе-государстве (полисе) [5]. Нормативную концепцию культуры создал немецкий философ и юрист С. Пуффендорф, впервые употребивший термин «культура». У него человек выступает как единство гражданской (политической) и нравственной сути (читай культуры) и в дальнейшем все более выявляет свою двойственность.

В растущем конфликте между политикой и духовными сторонами естественного права становится очевидной потребность определения сферы специфической – политической культуры. Европейские мыслители XVII–XVIII вв. от Гоббса до Руссо продолжили античную традицию, включающую политику в сферу культуры. В работе Руссо «Об общественном договоре, или Принципы политического права» культура и политика уже разделяются при признании их существующих связей. Выделяя в особую группу законы, регулирующие политическое функционирование общества, нравы, обычаи и собственно общественное мнение, Руссо определяет их как часть «невидимого» (находящегося вне сознания) или как одну из существующих сфер культуры. Странники нормативной концепции, утверждая приоритет культуры над политикой, видели

в ней такую силу, которая способна ослаблять деспотизм государства.

Дальнейшее развитие политической культуры связано с деятельностью энциклопедистов во Франции, суждения которых объединяются под названием «практические концепции». Идея культуры для них не абстрактна: она конкретизируется в различные эпохи в образцовых творениях, раскрывающих теоретические и практические аспекты жизни. Их «Энциклопедия» стала в истории развития идеи культуры как бы иллюстрацией практического действия и философской значимости культуры.

Идея человека, определяющего будущее культуры и являющегося ее конечной целью, была положена в ее основу в эпоху Просвещения. Эта эпоха – естественное продолжение европейской школы мысли – подчеркивала приоритет культуры над политикой, значение человека как основной ценности.

В 1871 г. английским этнологом и антропологом Эдвардом Тейлором в научный обиход было введено первое четкое определение понятия «культура» как комплекса знаний, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества. Примечательно, что эта дефиниция культуры появилась в рамках этноантропологического исследования духовной жизни людей, находящихся на стадии первобытности.

С тех пор многие пытались определить этот, как оказалось, загадочный феномен, чтобы установить, наконец, различия между культурой и цивилизацией, с одной стороны, а с другой – между культурой и входящими в нее компонентами: религией, менталитетом, художественной сферой, этикой, наукой, образованием, бытовым укладом и др. По мнению американских культуроведов А.Л. Кребера и К. Клакхона (их исследование посвящено только определениям культуры), число дефиниций этого понятия к середине XX в. измерялось уже четырехзначным числом [6]. Ученые самых разных специальностей – от лингвистов до философов – стремятся обнаружить некий фактор целостности, найти то, что объединяет духовную жизнь какого-либо общества, ее системообразующие параметры. Ими могут считаться социальные структуры, язык, система ценностей, коммуникативные или художественные факторы, механизмы социального подавления и сублимации бессознательного, система социальной адаптации человека на основании усвоения норм и образцов, некие универсальные структуры сознания – символические, матричные, феноменологические и т.д. [7].

Новой вехой в развитии идеи политической культуры стал романтизм XIX в., обратившийся к мифологии в поисках истоков духовной жизни человечества и подчеркнувший значимость симбиоза мифов и истории. Изменения в политической жизни XX в. способствовали появлению «новых типов» политической деятельности: действия элиты в целях совершенствования производства и администрирования; различные движения против технократии и бюрократии, отстаивающие «участие» и «содружество»; региональные и национальные движения и, наконец, различные межнациональные движения, которые пытаются объединить це-

лые регионы мира по принципу исторических традиций, экономических интересов и культурного сходства.

Во второй половине XX в. мировая наука пережила период подъема благодаря обогащению своих концепций достижениями ряда других научных дисциплин – социологии, экономики, философии и истории. Политические феномены стали интерпретироваться через культурные, социокультурные и социально-психологические понятия.

В это время Г. Алмонд вводит в научный обиход понятие политической культуры, под которой он понимал определенный образец ориентаций на политические действия, отражающий особенности каждой политической системы. Позднее, в совместной работе с С. Вербой «Гражданская культура», это представление о политической культуре было уточнено [8]. По мнению американских ученых понятие «политическая культура» указывает на специфические политические ориентации: установки в отношении политической системы и ее различных частей и установки в отношении собственной роли в системе. Иными словами, политическая культура – это политическая система, интериоризованная в знаниях, чувствах и оценках населения. Концепция Г. Алмонда и С. Вербы в дальнейшем получила развитие в работах Л. Пая, С. Хантингтона, Д. Элазара, Х. Доменигера, А. Брауна и др. [9].

Огромное влияние на исследования политической культуры оказала также «бихевиористская революция» в социальных науках. Синтез «содержательных политических исследований» и «строгих общих теорий политики» породил эмпирическую политическую теорию. Редкое политико-философское исследование обходится теперь без привлечения данных философской антропологии, философии культуры и культурологии. Значит, прогресс в развитии политической философии связан с распространением так называемой компаративистской политологии, призванной сравнивать политические феномены разных регионов и выявлять факторы, которые обеспечивают социальную стабильность.

Во второй половине 60-х и в 70-е гг. XX в. концепция политической культуры использовалась такими видными американскими социологами и политологами, как Г. Лассуэлл, В. Ки, Р. Маркридис, В. Нойман, Д. Марвик и др. Новое направление сложилось в США, затем распространилось в других странах. Общественная практика последней трети XX в. породила оппозицию реальности – культура. И, как очевидно, не мир релятивен, а наши представления о нем, из которых и складывается организм современной культуры [10].

Концепция политической культуры стала одним из важнейших инструментов исследования политических и социокультурных процессов и феноменов. Главное внимание здесь уделялось изучению формальных и неформальных компонентов различных систем с учетом национальной политической психологии, политической идеологии и политической идентичности. Стремление вычленив политические компоненты из культурного общенационального контекста привели к ряду общепризнанных положений. Так, исследователи политических процессов полагают, что в каждой стране имеется самобытная политическая культура. Однако ее постижение невозможно без эмпирического пони-

мания природы человека, его потребностей и нравственных ценностей. Данные о функционировании политической системы невозможно выявлять независимо от характера политической системы, которую они призваны описывать. Политическая культура страны рассматривается как совокупность многообразных аспектов исторически сложившегося политического сознания нации и ее отдельных групп, которое включает субъективное восприятие истории и политики, укоренившиеся ценности и убеждения, объекты идентификации и лояльности, политические знания и ожидания.

Тем не менее в современной науке нет общепринятого понятия политической культуры. Можно выделить несколько основных группы базовых концепций этого явления человеческой жизни. У. Розенбаум понимает под политической культурой концептуальное обозначение чувств, мыслей и поведения, которые мы замечаем или выводим, наблюдая за людьми, живущими своей повседневной жизнью [11]. Признанные образцы поведения, включает в содержание политической культуры и Р. Таккер [12], т.е. политическая культура, несмотря на всю специфичность объектов и явлений, ее порождающих, является неким общим элементом субъективной реальности.

В отечественной науке проблемы политической культуры начали изучаться сравнительно недавно. Как и в западной литературе, одни исследователи – Ф.М. Бурлацкий и А.А. Галкин – ограничивают политическую культуру сферой политического сознания, не включая в ее содержание образцы политического поведения; другие – Э. Баталов, Е.А. Егоров, Н.М. Кейзеров, М.Х. Фарукшин – наоборот включают образцы политического поведения в содержание политической культуры. По мнению Э. Баталова, политическая культура – это система исторически сложившихся, относительно устойчивых установок, убеждений, представлений, моделей поведения, проявляющихся в непосредственной деятельности субъектов политического процесса и обеспечивающих воспроизводство политической жизни общества на основе преемственности [13. С. 78].

Таким образом, сам термин «политическая культура», используемый для трактовки этого специфического культурного элемента, понимается по-разному в зарубежной (англоязычной) и отечественной науке. Такое несоответствие смыслов, вкладываемых представителями различных исторических, этнических и социальных слоев общества, как и носителями различных культур и языков в одно и то же понятие (слово), давно отмечено исследователями из самых различных областей. Проблема соотношения значения и смысла наиболее ярко проявляется как раз на стыке различных научных дисциплин, в актах межкультурного и межязыкового общения. Первыми на эти особенности восприятия различных терминов и понятий представителями различных социальных, культурных и языковых групп обратили внимание лингвисты-переводчики; впоследствии, с развитием системы международного научного общения, распространением оригинальной иностранной литературы и научных журналов, эти особенности стали проявляться еще более ярко [14]. Очевидно, что и политической культуре присущи такие особенности, ведь этот термин возник в середине XX в. в Америке,

вошел там сначала в научный, а затем и в общекультурный обиход, после этого стал известен отечественным специалистам, а далее – российскому обществу [15]. Однако ни в современном словаре английского (американского) языка, ни в словаре русского языка мы не найдем трактовки термина «политическая культура», зато явления политики и культуры, а также смысл и употребление соответствующих терминов там описаны [16, 17].

Оксфордский словарь современного английского языка определяет *politics* предельно четко и ясно (как, впрочем, и многие другие общественные, исторические и культурные термины) – *art of government; political affairs or life*, т.е. буквально как искусство управления либо как политические дела или жизнь (опять же как дела или жизнь (процессы), связанные с управлением). *A culture* – это *state of manners, taste and intellectual development at a time or place* (дословно – состояние представлений, ощущений и интеллектуального развития (уровня) в определенное время или в определенном месте) [16]. В русском же языке *политика* – это *сфера деятельности, связанная с отношениями между социальными группами в обществе* (между классами, нациями и другими группами), что наиболее близко к родоначально-греческому *politika* – *государственные или общественные дела, а культура* – *исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека* (ср. с родоначальным латинским *cultura* – *возделывание, воспитание, образование, развитие, почитание*) [17]. Как видим, даже исходные компоненты понятия политической культуры в англоязычном и русскоязычном общекультурном пространстве различаются, не говоря уже об одноименном синтетическом феномене и его античных прародителях.

Глядя на английское понимание политики как искусства управления (а между тем, напомним, искусство уже само по себе является базовым основанием культуры), классическое «алмондовское» определение политической культуры наиболее естественно в значении ориентации человека на политическое действие и определение своей роли и места в этом действии. Для носителя русской культуры возникает даже определенный парадокс: в англоязычной социокультурной парадигме, как бы сама собой, отпадает необходимость привлечения второй части этого синтетического понятия – самой культуры. Однако если мы все же синтезируем (умозрительно сольем понятия и установим соотношения между их значимыми элементами) оба английских понятия *politics* и *culture* в *political culture*, то легко сможем увидеть искусственное «баталовское» определение политической культуры как искусства управления или ведения политических дел либо политической жизни в условиях конкретных представлений, ощущений и интеллектуального опыта в определенных обстоятельствах времени и места. Таким образом, мы как бы связали управленческую (читай: политическую) деятельность с определенными внешними обстоятельствами, однако, как не трудно заметить, субъект там так и не появился. В то же время синтетическое понятие «политическая культура» в русскоязычной социокультурной парадигме однозначно связывает «политику» и «культуру» в агломерат сферы деятельности и

уровня развития человека вокруг объединяющего «общества». Иными словами, в общекультурном пространстве политическая культура в рамках англоязычного социокультурного пространства целиком и полностью ориентирована на управление либо ведение политических дел, естественно подразумевая при этом управленческие действия конкретного человека, в условиях же функционирования политической культуры в рамках отечественных социальных и культурных реалий она не персонифицирована, а присуща как необходимый элемент политической системе общества. Применяя закономерности функционирования и развития этого специфического элемента культуры, взятые из зарубежных источников, к различным элементам политической, культурной или общественной жизни в отечественных социокультурных реалиях, мы должны будем неизбежно натолкнуться на конфликт, вызванный разным использованием (подменой) субъективного и объективного начал в политической культуре Запада и Европы и Востока [18]. Одним из таких элементов, находящихся универсальное проявление в социальной и культурной сферах жизни и развития как западно-европейской, так и российской цивилизации, является социокультурный феномен «трагическое».

В рамках используемого нами подхода «трагическое» по отношению к политической культуре и политико-идеологической деятельности вообще можно рассматривать как компонент социокультурного пространства, концептуальной картины мира индивида, который изучается в рамках конкретного языкового корпуса, текстов, содержащих трагическое, с двух сторон: выявление роли «трагического» в структуре концептуальной картины мира, например писателя, журналиста и в восприятии авторских смыслов читателем [19]. Последнее можно установить только экспериментальным путем, а определение роли трагического возможно на основе исследовательского реконструирования фрагмента концептуальной картины мира индивида (писателя), явно не выраженного, но репрезентированного текстом.

Развивая идеи, выдвинутые Ж.-Ж. Руссо, на наш взгляд, интересно одно замечание Л. Витгенштейна: «Невыразимое (то, что кажется мне полным загадочности и не поддается выражению), пожалуй, создает фон, на котором обретает свое значение все, что я способен выразить» [20. С. 427]. Это утверждение находит продолжение и в концепции неявного знания М. Полани [21]. Особенность подхода М. Полани к проблеме познания определяется тем, что он одним из первых стал изучать роль неконцептуализированных форм передачи знания, где логико-вербальные формы играют вспомогательную роль средств в коммуникативном взаимодействии. М. Полани создает концепцию, используя термин «личностное знание», имея в виду неявное знание. Основой его концепции является утверждение о существовании двух типов знания: центрального, или явного, эксплицируемого, и периферийного, неявного, скрытого, имплицитного. Таким образом, процесс познания предстает как постоянное расширение рамок неявного знания с параллельным включением его компонентов в центральное, фокальное знание. В концепции М. Полани для нас важна идея нелогизированного,

периферического знания, к которому относится и «трагическое». На наш взгляд, переход трагического из неявного знания в фокальное рождает различные его составляющие: скорбь, ужас, гибель и пр. Онтология неявного знания перекликается с довербальным этапом становления концептуальной системы Р.Й. Павлиниса [22]. Триада «концепция – опыт – текст» фактически представляет триаду «мотив – речевая деятельность – текст», но в более усовершенствованном виде, т.к. отечественная психолингвистика и психология, начиная от Л.С. Выготского, выделяют комплекс этапов от мотива до речевой деятельности [23].

Широкое освещение получил и вопрос соотношения логической и языковой картин мира. Так, исследователи этого направления Э. Сепир и Б. Уорф развивали тезис о том, что содержание мышления предопределяется языком, на котором говорит человек. Э. Сепир говорит о том, что «в языке постоянно лишь его внешняя форма; внутреннее же его содержание, его психическая значимость или интенсивность меняются в зависимости от того, на что обращено внимание, каково направление умственной деятельности, а также, разумеется, в зависимости и от общего умственного развития. С точки зрения языка мышление может быть определено как наивысшее скрытое или потенциальное содержание речи, как такое содержание, которого можно достичь, толкуя каждый элемент речевого потока как в максимальной степени наделенный концептуальной значимостью» [24. С. 36]. Продолжая развитие положений, выдвинутых Э. Сепиром, Б. Уорф заключает: «Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они (эти категории и типы) самоочевидны: напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован в нашем сознании» [25. С. 174]. Положение о том, что язык предопределяет восприятие мира и содержит в своей структуре присущую определенному обществу концепцию деятельности, составляет основу гипотезы относительности, согласно которой картина мира сводится к языковой картине мира.

В предлагаемой нами концепции взаимоотношения отдельного социокультурного феномена с общекультурным и языковым пространством синтезируются элементы многих известных в культурологии и философии моделей. С нею согласуются такие понятия, как «жизненные силы человека» (Т.И. Заславская), «поток опыта» (А. Шюц), «самореферентная, самовоспроизводящаяся система» (Н. Луман), «habitus» (П. Бурдьё), «поток интенциональных действий (поток поведения)» (Э. Гидденс), «новая инвайронментальная парадигма» (У. Каттон, Р. Данлэп) и др. Планетарный поток сознания охватывает собой различные типы умонастроения, которыми описывается, по П.А. Сорокину, активно действующий «внутренний» фактор изменений социокультурной реальности [26, 27]. При этом сохраняется значение и установка К. Манхейма, принятая им в основаниях социологии знания, – стремиться «исследовать мышление не в том виде, как оно представлено в учебниках логики, а как оно действительно функционирует в качестве орудия коллективного действия в общественной жизни и в политике» [28. С. 7]. Пред-

ставления о неостановимости движения многоуровневого и многопланово структурированного потока сознания по сути дела лежат в том же русле, что и призывы П. Бергера и Т. Лукмана рассматривать общество в плане его объективной и субъективной реальности, изучать его «как созданное людьми, ими населенное и в свою очередь создающее людей в непрестанном историческом процессе» [29. С. 302].

П. Штомпка, синтезируя итоги энциклопедического обзора концепций социальных процессов в теорию социального становления, подчеркивал: «Модели – это инструменты познания и потому должны оцениваться по их эффективности, плодотворности и эвристическим возможностям» [30. С. 31]. В этом смысле предлагаемая концептуальная модель отличается от предшествующих тем, что в ней особое внимание обращено на выработку и анализ обобщенных процессных характеристик конкретных проявлений социокультурной динамики и компонентов потока сознания, адекватных задачам совместного осмысления разномасштабных по длительности и по пространственной протяженности социальных процессов, в диапазоне от множественных локальных микрособытий до единственного в своем роде всемирно-исторического процесса.

Используя определение концептуальной картины мира как системы информации, «трагическое» может быть отнесено к модальным категориям. «Трагическое» реляционно и, по М.М. Бахтину, выражает: несоответствие ожидаемого и существующего, возвышенного и реального [31]. На наш взгляд, «трагическое» в концептуальной картине мира индивида может иметь различные функции: быть средством репрезентации личностного знания либо отношения, быть средством социальной регуляции потребностей и деятельности и способом познания окружающей действительности. Поэтому динамичность трагического основана на том, что трагическое фиксирует отношения между субъективной и intersubъективной частью концептуальной картины мира автора – противопоставление значения смыслу, в результате чего и появляется новый смысл – трагический.

Реляционность как форма авторского отношения представлена в репрезентациях языковых средств, относящихся к лингвистическому, психологическому, культурному уровням текста. Являясь репрезентантом фрагмента концептуальной картины мира индивида, трагическое закрепляет как смысловое единство противопоставленность конвенционального и личностного в концептуальной картине мира. Поэтому трагическое и является способом организации концептуальной картины мира индивида.

В процессе репрезентации трагического доминантного личностного смысла происходит процесс образования вторичного смысла между концептуальной картиной мира индивида и языковыми репрезентациями. На наш взгляд, характеристика вторичности наиболее полно была дана М.М. Бахтиным: «Последняя смысловая инстанция творящего может непосредственно выразить себя в прямом, непреломленном, безусловном авторском слове. Когда нет своего собственного “последнего” слова, всякий творческий замысел, всякая мысль, чувство, переживание должны

преломляться сквозь среду чужого слова, чужого стиля, чужой манеры, с которыми нельзя непосредственно слиться без оговорки, без дистанции, без преломления» [31. С. 57–58].

Для иллюстрации сказанного выше приведем полученные нами ранее модели социокультурных концептов «трагическое» и «tragic», составленные на основании исследования текстов классиков и современных русских и английских писателей, описывающих раз-

личные трагические события, войны, катастрофы, террористические акты и пр. [32, 33]. Были исследованы следующие произведения: рассказы и повести В.М. Гаршина, представленные в собрании сочинений, изданном в 1955 г., – печатный текст [34] и роман Ричарда Олдингтона «Death of hero» – печатный текст [35]. Выборка из содержания исследованных концептов, с учетом частоты использования их составляющих в этих произведениях, приведена в таблице.

Частотные составляющие социокультурных концептов «трагическое» и «tragic»

Трагическое	Tragic
<i>Частота использования выше 100</i>	
Война, смерть, беда, горе, жизнь	I, hero, dead, enemy, blood, fear
Зло, крест, любовь, муки	Poison, agony, shock, endurance
Мир, ужас, доблесть	Arms, oblivion, shell
Герой, враг	Ramp, fatigue
Я	Confusion
<i>Частота использования от 10 до 100</i>	
Сердце, дурак, солдаты, армия	War, generation, victory, George
Душа, дело, бойня	Fate, responsibility, man
Бог, самоубийство	Time, patriot
<i>Частота использования от 1 до 10</i>	
Казнь, судьба	Horror, casualty
Кровь	Bullet, memorial
Безумец	Waiting
<i>Частота использования 1</i>	
Отец, любимая	Antipathy
Никита	Widow

Из таблицы хорошо видно, что в структуру трагического, репрезентированного в различных языковых, социальных и культурных реальностях, входят различные компоненты. Однако, сохраняя общую тенденцию направленности на конкретного человека в английской языковой парадигме, подобно обнаруженной нами закономерности в трактовке термина, связанного со специфическим элементом культуры, в составе соответствующего поля «tragic» мы, почти исключительно, обнаруживаем персонифицированные термины и понятия, связанные с личными переживаниями и личным отношением героев в исследованных произведениях: I, hero, dead, enemy, blood, fear и др. В то же время в смысловом поле концепта «трагическое», наряду с элементами, связанными с личным отношением героев к описанным в произведении событиям (смерть, любовь, я), проявляются и занимают основное место общекультурные, общечеловеческие понятия: война, смерть, беда, горе, жизнь.

Таким образом, «трагическое» можно рассматривать как универсальный феномен, философскую категорию, одновременно являющуюся неотъемлемым компонентом конкретного исторического, также социокультурного пространства. Естественно, «трагиче-

ское» находит свое отражение и в способах проявления активности человека, включенного в эти пространства. «Трагическое» может являться одним из аспектов системы мировидения и миропорождения индивида, репрезентантом его концептуальной картины мира, поэтому «трагическое» как компонент этой системы и фиксируется в доминантном личностном смысле.

«Трагическое» также есть и социолингвистическая, и когнитивная структура одновременно, т.к. языковые репрезентации являются компонентами в структуре трагического смысла, языковая актуализация компонентов смысла происходит на уровне несоответствия конвенциональных значений (понятий), конвенционального понятия и личностного смысла, которое показывает нерасчлененность в концептуальной картине мира языкового и когнитивного компонентов. Суммирование актуальных компонентов концептов временной функциональной системы – принцип репрезентации трагического доминантного личностного смысла.

При восприятии текста восстанавливается функциональная система, организующая разнонаправленные компоненты смысла, и трагическое структурирует концептуальную картину мира воспринимающего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белик А.А. Культурология: Антропологические теории культуры. М., 1998. С. 67.
2. Каган М.С. Человеческая деятельность. М., 1974. С. 98–179.
3. Карташев В.А. Система систем: Очерки общей теории и методологии. М., 1995. С. 385.
4. Каган М.С. Системный подход и гуманитарное знание. Л., 1991. С. 19–20.
5. Антология мировой политической мысли: В 5 т. М.: Мысль, 1997.
6. Kroeber A.L., Kluckhohn C. Culture. A critical review of concepts and definitions. ambridge: Massachusetts Un., 1952.
7. Малиновский Б. Функциональный анализ // Антология исследования культуры. СПб., 1997. Т. 1. С. 681–702.
8. Almond G., Verba S. The civic culture. Political attitudes and democracy in five nations. Princeton: N.J., 1963. P. 498.
9. Pye L. Political culture // International encyclopedia of social sciences. N.Y., 1961. Vol. 12. P. 218.

10. *Культурология XX век*: Словарь. СПб., 1997. С. 430.
11. *Rosenbaum W.* Political culture. N.Y., 1975. P.151.
12. *Tucker R.* Political culture and leadership in soviet Russia: From Lenin to Gorbachev. N.Y., 1987.
13. *Баталов Э.* Политическая культура России сквозь призму civic culture // Pro et Contra. 2002. № 3.
14. *Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов / Пер. с англ. А.Д. Шмелёва. М.: Языки славянской культуры, 2001.
15. *Головань О.В., Ишков А.В.* Политическая культура общества. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2004.
16. *The Advanced Learner's Dictionary of Current English* by A.S. Horrby. Oxford: University Press, 1972.
17. *Толковый словарь русского языка*: В 4 т. / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. М.: Терра, 1996. Т. 1, 3.
18. *Лотман Ю.М.* К проблеме типологии культур // Труды по знаковым системам. Тарту, 1967. Вып. 3.
19. *Стриженко А.А.* Язык и идеологическая борьба. Иркутск: Изд-во ИГУ, 1988.
20. *Витгенштейн Л.* Философские работы. М.: Гнозис, 1994.
21. *Полани М.* Личностное знание. М.: Прогресс, 1985.
22. *Павленис Р.Й.* Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983.
23. *Выготский Л.С.* Психология искусства. М.: Искусство, 1986.
24. *Сепир Э.* Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Универс, 1993.
25. *Уорф Б.* Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1992.
26. *Заславская Т.И.* Современное российское общество: Социальный механизм трансформации: Учеб. пособие. М.: Дело, 2004.
27. *Sorokin P.A.* Social and cultural dynamics. Boston, 1957. P. 20.
28. *Мангейм К.* Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 7.
29. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 302.
30. *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М., 1999. С. 31–44.
31. *Бахтин М.М.* Проблемы творчества Достоевского. Проблемы поэтики Достоевского. Киев, 1994.
32. *Головань О.В.* Большая совесть века. К 140-летию со дня рождения В.М. Гаршина // Алтай. 1996. № 4–5. С. 270–278.
33. *Головань О.В.* Моделирование фрагмента концептуальной картины мира Ричарда Олдингтона // Ползуновский альманах. 2002. № 1–2. С. 222–226.
34. *Гаршин В.М.* Сочинения. М.: Худ. лит., 1955.
35. *Aldington R.* Death of hero. М.: Худ. лит., 1985.

Статья представлена научной редакцией «Культурология» 16 ноября 2009 г.